

ПАВЕЛ ПОПОВКИН

Убить циклопа

КРИМИНАЛЬНЫЕ ФАНТАСМАГОРИИ
(СБОРНИК РАССКАЗОВ)

Павел Серафимович Поповкин
Убить циклопа. Криминальные
фантазмагории
(сборник рассказов)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24153526

ISBN 9785448520754

Аннотация

Руки дрожали от восторга и требовали продолжения операции, надо постараться, чтобы добыча не ушла так просто. Снова колебание рельс, медленное приближение, мощный фонарь на верхушке тепловоза осветил фигуры Кости и Виктора, они, отвернувшись, стояли к нему спиной. Увидели свои удлинившиеся, уходящие в бесконечность тени, у каждого – в правой руке были видны приготовленные камни, они тоже отбрасывали похожие на груши тени.

Содержание

Маркс атакует	5
меШОК	12
Охотники за головами	18
Зло в летнюю ночь	27
Джина	35
Красный террор	42
Невыносимый плод	48
Сыграть в ящик	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Убить циклопа
Криминальные
фантасмагории
(сборник рассказов)**

**Павел Серафимович
Поповкин**

© Павел Серафимович Поповкин, 2017

ISBN 978-5-4485-2075-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маркс атакует

Искусственная борода лежала рядом, на краешке стола. Впервые в жизни руки главврача дрожали, бумага с наскоро составленным списком погибших не слушалась, имена и фамилии рвались из пальцев. Невыносимый запах гари не сдавался, не желал уходить, несмотря на распахнутые в кабинете окна.

– Ах ты, черт, как они нас, и все такие тихие были, и мы еще им позволили основать этот бредовый кружок в библиотеке. Ах ты, черт, еще коньяк весь кончился. – Главврач посмотрел на пустой графинчик, к которому он в последний раз притрагивался полгода назад. Чтобы успокоиться, положил руки ладонями на плоскость стола, только так пальцы унялись, прочитал список погибших, все члены кружка, отсутствовало только одно имя...

– Так значит, Маркс жив! – разочарованно воскликнул главврач. – Введите провокатора, ведите больного, срочно!

Сопровождаемый санитарями, вошел больной, закопченный с ног до головы. Кисти его обгоревших рук были перебинтованы, но на всякий случай – крепко связаны. Заметив бороду на столе, на лице вошедшего, сквозь черный «грим», проявилась улыбка.

– Десятая по счету, попрощайтесь с ней, – главврач выкинул бороду в мусорку, улыбка исчезла.

– Это не моя борода, а Фридриха. Свою я съел в знак протеста.

– Фридриху уже нет дела до бороды, а вместе с ним еще восьмью революционно настроенным идиотам.

– Последний бой, он трудный самый.

– Борода от него и осталась, как еще одно свидетельство неверно поставленного вам диагноза. Вы опасней, чем мы думали. Я никогда в своей жизни не называл больных идиотами, не оскорблял их – это тоже ваша вина.

Главврач мысленно постарался упокоить себя, так как по части спокойствия, черномазый его переигрывал.

– Присаживайтесь. Через час вас отправят в областной центр, там уже у Маркса будут камерные выступления. Сейчас я вам устрою свою последнюю пятиминутку. Я еще верю в свой метод: чем больше высказывается больной, тем ближе он на пути к выздоровлению. Мой запатентованный метод, только на вас он дал сбой. Давайте, начинайте, хотели со мной посеCRETничать.

Больной сел на стул, с отвращением погладил свой гладкий подбородок, и с сожалением посмотрел на дно мусорки.

– Я не пришел оправдываться, я здесь, чтобы убеждать, – Взгляд больного перескочил на полки с книгами, прищурил глаза, но не увидел искомым корешков, – сконцентрируюсь только на одной из моих фундаментальных разработок, она описана в полном собрании моих сочинений. Я говорю о прибавочной стоимости – она подразумевает отчуждение

рабочего от продуктов его собственного труда. Пролетарий трудится для капиталиста, продавая ему свою рабочую силу, которая оплачивается ниже её стоимости, в форме заработной платы, которая не отражает реально затраченного рабочим физического труда. Вся разница между стоимостью товара, создаваемой рабочим, и его зарплатой присваивается классом капиталистов в виде прибавочной стоимости и образует основу их прибыли.

Больной снова показал, как прекрасно разбирается в революционной литературе, его дикторский тон убеждал главврача, что он тоже забитый эксплуататорами работник, что он тоже получает презренную зарплату.

– Наш психиатрический диспансер, – поспорил главврач, – по крайней мере, то, что от него осталось, после вашей вылазки, является частной организацией. Я действительно наемный работник, со мной владелец заключил договор, правда и то, что я получаю зарплату. Но как вам не грустно будет услышать, я доволен размером зарплаты. Ваша прибавочная стоимость ко мне не относится. Мимо товарищ, мимо бьете.

– Доктор я уверен, что через пять минут, вы развяжете меня и отпустите на все четыре стороны. – Больной предупреждая поднял скрученные кулаки, – Главное молчите, и внимательно слушайте. Вернемся к прибавочной стоимости. Объясняю проще. Представим наш диспансер для примера в виде мебельной мастерской. Вас доктор – в качестве

простого мебельщика, нас – тех, кого вы называете больными, в виде шкафов. Вам требуется на лечение, в нашем случае ремонт одного шкафа, ровно месяц. Затраченные труд и время оценим в 1000 рублей. Владелец мастерской, как настоящий капиталист, поступает по хитрому, оплачивая рабочему в самом лучшем случае только 300 рублей. А шкаф в магазине продает за 1000 рублей и в итоге получает прибыль в 700 рублей. В этом и кроется главный секрет капитализма по Марксу: пролетарий получает всегда меньше, чем производит. Денежный эквивалент нашей мускульной энергии, ума, нервов, забирает себе собственник производства. В вашем случае владелец диспансера. То есть вы на себя работали от силы неделю, остальные дни месяца в размере 700 рублей забрал себя капиталист.

– В принципе правильные рассуждения, – похвалил главврач, – владельцу нужна прибыль. Но я получаю выгоду, за каждого больного имею свой процент, это значит, что меня не эксплуатируют. Я практически партнер. По крайней мере не чувствую себя рабом на галерах.

– Нет, вы себя обманываете. Вы самый настоящий раб.

– Ну-ну, давайте, продолжайте.

– Запросы владельца мастерской возрастают, он получил свои 700 рублей, но ему уже надо на следующий месяц произвести 2—3 и более шкафов, чтобы увеличить свою прибыль в разы. Капиталист выбирает один из следующих вариантов: 1) снижает зарплату рабочему; 2) увеличивает до пре-

дела на рабочего нагрузку за прежнюю зарплату; 3) ищет более дешёвую рабочую силу. Что касается нашего диспансера, он увеличивает до предела на рабочего нагрузку, вы же не оспорите, что число пациентов-шкафов с начала года утроилось. А зарплата ваша повысилась доктор?

Главврач промолчал, что-то в уме стал подсчитывать, но не выразил ни какой мимикой итоги своих изысканий. Отвечать на вопрос он, конечно, не стал.

– А проглотили доктор, – больной стукнул локтями по столу. – Вернемся в нашу мастерскую, погоня за большей прибылью, с каждым циклом производства, усиливает эксплуатацию рабочего класса. Владелец мастерской становится богаче. В то время как его работник, который производит уже по три шкафа в месяц, получает, в лучшем случае презренные, оскорбительные 300 рублей, труд его обесценивается с каждым оборотом производственного цикла. Приходит момент, когда рабочий для своей квартиры, хочет купить шкаф, в вашем случае отдать своего родственника в психдиспансер. Он приходит в мебельный магазин, и уходит ни с чем, мебельщик не в состоянии на свою нищенскую зарплату-подачку купить вещь, которую сам же произвел.

– Откуда вы знаете про моего дальнего родственника... очень дальнего... супруга попросила чтобы его... – засмутился главврач.

– До того как попасть сюда, я агитировал его в том областном центре, куда вы меня снова отправляете, заведение

там государственное – бесплатное. Здесь же, в элитном диспансере, психи на вес золота. А теперь о стоимости шкафов-больных, вы и трехсот не получаете за одного, вас обманывают, даже и 30 рублей не будет. Вы дурак доктор, вот так вот вам по-марксистски и скажу.

– Почему, дурак?! С точки зрения психиатрии мне даже интересно.

– Я не психиатр, а великий экономист. Вы хуже, чем дурак, повторяю, вы – раб, раб системы. Знаете сколько мои родственники, и родственники других пациентов платят владельцу диспансера. Вы знаете, где лежат подтверждающие документы.– Больной встал, подошел к главврачу, и на ухо что-то прошептал, лицо того приняло испуганное выражение, он молчал. Даже когда прошло время для лечебной пятиминутки – не пикнул. Между тем больной не унимался.

– Пока что, выгодоприобретатели от эксплуатации трудового народа надежно защищены законами, государственным аппаратом, идеологией и даже религией, – ходил свободно по кабинету больной. – Но скоро наступит следующая грандиозная стадия, она, я точно знаю, закончится потрясением основ государства. Маркс, то есть я, заявил: революции – локомотивы истории. Пролетариат в борьбе против буржуазии, против класса потребляющих, насильственным способом отбирает у них власть и превращает себя в господствующий класс. Уничтожим цепи рабства, нам нечего больше терять кроме этих цепей, так разобьем их доктор!!! Будьте

с нами, вставайте в наши ряды, удавим капиталистов. – Большой протянул забинтованные кулаки для рукопожатия, и добавил. – А бороду вы все-таки выньте из мусорки, она вам еще понадобится.

Когда оперативники снова приехали на место ЧП, в морге уже увозили обугленные человеческие останки. Были обнаружены осколки газового баллона, которым «Маркс» хотел снести стену, но вместо нее на воздух взлетели все члены его кружка. Неожиданно, дверь в кабинет главного врача оказалась заперта, как оперативники не стучались, никто не открывал, изнутри ни звука. Перелезли через распахнутое окно, в комнате никого, на столе оставался список пациентов погибших при штурме хозяйственного корпуса психдиспансера. Рядом лежал второй лист, на нем коротко записано: «Заявление, прошу уволить меня по собственному желанию, так как не согласен с политикой и методами работы диспансера. Ваш Эрнесто Че Гевара.»

меШОК

Трамвай затормозил на остановке «Прокатная». Мужчина, одетый в допотопную дубленку, с обезумевшим лицом, кому-то махая рукой, соскочил со ступенек.

– Чтобы ты сгнил, безбилетник, – проводила его женщина-водитель.

Дверь закрылась, трамвай тронулся. Снаружи кто-то хлопал по металлическому корпусу, кричал, догонял, но водитель предпочла ничего не замечать. Егор Тарабасов остался совершенно один в холодном салоне. Сильно чихнул. Внутри работал обогреватель, он не спасал от январского мороза, но хорошо гонял высохшую пыль. На окнах образовалась тонкая наледь. Через три часа наступит ночь, снаружи включились рекламные огни, сквозь стекло, они просачивались в качестве бесформенных граффити. Сиденья, различные крепления, и узлы, отбивали оглушительный ритм, каждый раз, когда колеса спотыкались о стыки рельс. Огни погасли – начался многокилометровый район с промышленными базами, на дороге ни одного человечка, территория вымерла, и так до конечной остановки. Егор недовольно поморщился, когда очередной скачок, сопровождал новый дотоле незнакомый ему звук. Он оглянулся, предположил: что-то упало, или сломалось, придется еще пешком добираться, за опоздание на работе по головке не поглядят. Ему по-

казалось, что в конце салона, за задним сиденьем прячется ребенок, но плохое освещение не давало конкретного ответа. Любопытство взяло вверх, Егор встал, подкрался, его догадка не подтвердилась. Напротив напольного обогревателя, к спинке сиденья был прижат полный тканевый мешок, туго завязанный веревкой. Оглянулся: водитель ничего не заметила. Возможно, судя по округлым выпуклостям, внутри овощи, не исключено, что капуста... Рука ощупала самую крупную округлость, пальцами покрепче за нее взялся, сразу понял, что там.

– Нос?! – казалось, спросил пассажир загадочный мешок. – Так там манекен... или не манекен?

Неутомимые пальцы прошлись по экватору мешка: ноги, руки, туловище, снова голова. Ужасенный более логичной мыслью, чем догадка о манекене, Тарабасов поднял руки к свету, они покраснели от липкой субстанции. Снова скачок, повторно звякнул тот неприятный звук. Он кроется не в мешке. Несмотря на то, что шестое чувство вопило о немедленном бегстве из трамвая, Егор не мог этого сделать пока не узнает причину странного звука. Открытие ждало под тем же задним сиденьем – большая столярная пила. Поднял ее, кривые зубья были испачканы засохшей кровью. Внезапно пила свалилась обратно на пол... дикий визг чуть не сбил с ног. Егор поднял голову, на него водитель тарасила глаза. Сумасшедший фальцет перекрыл металлический грохот, стук колес. Она нажала на рычаг «тормоз», не унима-

сь, обрывая голосовые связки, вылетела наружу, и пропала за складом приема черного лома.

Тарабасов приходил в себя еще как минимум минуту, заметил свое отражение в окне. Выяснилось, что во время обследования мешка, испачкал не только руки, но и куртку, зимние ботинки, а тут еще окровавленная пила в руках. Он посочувствовал женщине: ее психике точно нанесена пожизненная травма. Бежать с мыслью, что сзади преследует тип с пилой, придется как минимум час, до конечной остановки еще далековато. Положение не из лучших, он понимал: если сейчас просто скроется, то его рано или поздно задержат, обвинят черт знает в чем; в поиске других окровавленных мешков, вскроют полы в квартире, перекопают огород. Егор вернулся к своей находке, если все так зашло далеко, то он просто обязан окончательно удовлетворить свое любопытство... Сорвал веревки, подтащил к центру салона, из глубин мешка на него смотрела голова в очках, с резиновыми «держалками» за ушами: да это пенсионер, порезали так, чтобы удобнее было фасовать.

– Егорушка может трамвай сжечь. Разом замести следы. Потом догнать эту тетку, и ее ... – волновался недовольный поездкой пассажир.

Вынув носовой платок, стащив шарф с шеи, принялся очищать ручку пилы от отпечатков своих пальцев, подтирать поручни, пол, и другие части внутри салона, до которых возможно дотрагивался. Но страх был велик настолько, что воз-

ня с мешком и тряпками привела к обратному результату, салон трамвая напоминал скотобойню на колесах. Обнаружив спички в водительской кабинке, он хотел сжечь на улице свою одежду, вплоть до штанов и свитера. Начал с куртки – затолкав ее в ведро выбежал наружу, и заметил как в сотне метрах от трамвая с заведенным двигателем стоит легковая машина. Еще один свидетель?

«Я спокойно сидел, делал себе маникюр, как вдруг убийца-потрошитель размахивая пилой, выбежал из трамвая, и принялся сжигать улики», представил Егор, как шофер легковушки будет давать показания следователю.

– Уезжай проклятый, или сначала трамвайщицу, а потом тебя. Тут уже без ружья не обойдешься, – громко сказал Егор, махнув грозно ведром. Как бы в ответ машина три раза моргнула фарами, шофер открыл дверь, и направился навстречу... Испуганный Тарабасов забежал в салон, вместе с мешком спрятался за задними сиденьями. Грузные шаги сотрясли пол, они уверенно направились по дорожке из кровавых следов. Шофер нагло ногой отодвинул мешок, и специально наступил на руку Егора. Несмотря на стон, шофер еще сильнее надавил.

– Ты значит – Бычок. Как было мне приказано, я ехал за трамваем, но женщина-водитель почему-то убежала. Что сломался трамвай, или хотел ее тоже в мешок затолкать? – говорил шофер, с недовольством осматривая окрашенный в красное салон. – Не будем дожидаться конечной остано-

ки. Перегружай быстрее мешок в багажник машины. Быстрее, недоумок!

Тарабасов, не соображая, что же происходит, послушно схватил тяжеленную ношу, и потащил следом за широкоплечим шофером, засунул в багажник. Хотя его не просили, он завязал веревку, тщательно повторив прежний узел.

– Бычок, что это за мода? Вся морда в крови. Как с тобой наши могли связаться, – говорил шофер. – Ты видел себя, а интерьеры? И что ты скажешь водителю, когда она вернется. Лопух, бездарь, ничтожество. Все сейчас же протри, сам помойся. Мы тебе должны десять тысяч долларов, но вместо них ты получишь – девять. Такой свинской работы я еще не видел. Вот тебе канистра с бензином, тряпки – по цене той тысячи. Если, что говори: избили, кровь идет из носа, поэтому и пол такой грязный. И еще, забудь о двух квартирах дедушки – больше не суйся туда.

Шофер грубо сунул ему в руки пачку денег, канистру, ворох тряпок. Машина дала газу, и умчалась. Егор снова зашел в салон, пересчитал деньги: ровно девять тысяч долларов. Засунул их поглубже в потайной карман. За полчаса вымыл практически весь салон, выкинул как можно дальше канистру, и окровавленную куртку. Оставшись в одном свитере, направился обратно, в сторону города. Он готов был идти пешком хоть на край света, лишь бы не видеть никогда в жизни роковой трамвай. Есть, конечно, и приятные моменты, но о них позже, сначала надо добраться домой, позвонить

оттуда на работу и хриплым, многострадальным голосом сообщить о приковавшей к постели болезни. Не успел Тарабасов пройти и десяти минут, как заметил, что навстречу ему, не сбавляя темп, бежит огромного роста мужчина, от длительного забега ему было крайне жарко, так что пришлось расстегнуть на допотопной дубленке все пуговицы. «Старый знакомый» – вспомнил он безбилетника. Бегун не обращая внимания на неизвестного в свитере, стремительно приближался к только ему известной цели. Мощная фигура вызвала ассоциации, догадки.

– Бычок?! Ну конечно, кто же кроме него, – понял Егор, – Сейчас добежит, а там ни мешка, ни дедушки. Ха-ха-ха. Только пила, и шиш с маслом... Как пила!!! Прав тот с канистрой – я недоумок. Пилу, то не выкинул. Егорушка – доверь тебе серьезное дело.

Тарабасов, не жалея ног, пустился в сторону «Прокатной», где начались его приключения. Он не уставал, не оглядывался, не без оснований предполагая, что пила уже спрятана в допотопную дубленку, она приближается, и ждет своего часа.

Охотники за головами

Зимнюю обувь и штаны, с неподвижных тел, стянули с той грубостью, которая возможно известна только мертвецам, следом – куртки, свитера, попытались забросить вещи как можно дальше, дважды прозвучал всплеск от падающих ботинок, значит, несмотря на декабрь где-то рядом открытая вода. Жесткое разоблачение привело Пашу Вагена в сознание, когда он окончательно пришел в себя, понял, что лежит в отрытом поле, в порванном трико и футболке. Превозмогая боль в затылке и шее, он привстал, увидел рядом неподвижно лежащего человека, тоже полураздетого, лицо было воткнуто в снег. Перевернув тело, несмотря на застывшую гримасу и закрытые вечерней темнотой глаза, Паша смог узнать своего брата, его запястье украшала татуировка, в виде автомобильной эмблемы ФольксВагена, принялся дергать его, тормозил со всех сил, приговаривая:

– Федя, подъем! Ты хоть объясни, куда мы попали, кто нас раздел?

Брат молчал, не подавал признаков жизни, Ваген не мог поймать тепло в его ладонях, понять: есть ли надежды на спасение. Сам он не чувствовал от холода своих рук и ног, задерживаться здесь не стоит, иначе не только не успеет привести помощь к брату, но и сам околеет черт знает где, рядом не было ничего, что могли сойти в качестве одежды или

временного укрытия. Невдалеке протекал канал, над ним поднимался молочный пар, с другой стороны далеко-далеко из-под земли сочилось еле заметное свечение, верный признак – города, поселка или крупного предприятия. Пожав в последний раз запястье с татуировкой, Ваген, для разогрева, помчался в направлении света, по ходу смог рассчитать: всего, от силы, у него в распоряжение двадцать минут. Босые стопы уже сейчас начинали сдавать, неметь, благо хоть местность не каменистая. Везение не заставило себя долго ждать, впереди пролегла автомобильная трасса, две полосы электрического света практически мчались ему навстречу, он рванулся, рассчитывая встать на пути машины, вслед за светом фар, смог услышать работу двигателя, наконец, различить водителя и пассажирку рядом.

– Да, это женщина, она должна меня заметить, у них зрение лучше, чем у мужчин. Смотри на меня, крикни ему: остановись! – умолял он ничего не подозревавшую пассажирку.

Действительно, заметили! Машина снизила скорость, фары предупреждающе (или угрожающе) несколько раз подмигнули, раздался сигнал.

– Я тебе покажу «сойди с дороги»! Стоять, кому сказал! – Ваген разбежался, собираясь кинуться на лобовое стекло, но и машина разогналась, водитель попытался объехать злобно вопящее видение, но столкновения избежать не удалось, боковое зеркало хлестнуло в бок. Упав, Ваген

не услышал долгожданного скрипа тормозов, совсем наоборот – водитель вместе с пассажиркой совершил побег, давя со всей силы на газ. Когда очнулся, к своей большой досаде, переходящей в ужас, заметил, как его аккуратно объезжает очередное авто, и немедля газует. Усевшись на асфальт, отодвинув в сторону тупое отчаяние, попытался обследовать разбитый бок, но холод проник слишком глубоко вовнутрь тела, ничего другого не оставалось, как только встать и двигаться по возможности энергичнее. Тут он заметил, что рядом валялся простой молоток, может выпал из убегающего авто, или... он поднял голову к серым звездочкам... Радикальный способ по ловле мимо проезжающих машин созрел в голове Вагена. В ожидании продолжал свои тренировки по разогреву крови, прыгал вместе с молотком, делал гимнастику, но на километры кругом так и не мелькнуло ни одной полоски света. Пришлось снова бежать, куда глаза глядят, не скоро сообразил, что совершенно сбился с пути, оставив позади автомобильную трассу, внедрился вглубь бескрайней равнины, метался из стороны в сторону, пока в черед чудесных, но пока бесполезных явлений, таких как автодорога и молоток, не наткнулся на третье – совсем недалеко весело горел костер. Ваген затрепетал от счастья:

– Нет, это не мираж в мозгу, надо продержаться пять минуточек, ноги-ноженьки – вот оно спасение, я вас обогрею мои хорошие.

Уговоры и заклинания помогли выбить из замороженного

организма дополнительную порцию энергии, она увеличивалась по мере приближения к ярким языкам пламени, которые оставляли на снегу недолговечные кровавые штрихи, даже запах уже давал о себе знать, пусть не сухих дров, а только душающий бензиновый – не важно, потерявшийся в степи глубоко вдыхал эту путеводную копоть, следовал, как заколдованный к спасительным вспышкам. Его не особо смутила прояснившаяся впереди картина: рядом с необычным продолговатым костром не было ни одной души, ни звука, хоть какого-то намека на присутствие человека... живого человека, он готов был совершить последний прыжок хоть в самое пекло, но не успел, резко остановился... из огня на него смотрело знакомое лицо: Федю подожгли. Ваген, сам того не замечая, совершил большое турне и вернулся на место, где очнулся раздетым. Плоть внизу шипела, постреливала как на сковородке: кто, какие невидимки совершили это преступление, зачем приволокли их в степь? Несмотря на опасность, он точно не собирался снова бежать в неизвестность, теперь ни шагу назад или вперед. Самое главное, здесь под ногами животворящий огонь, он встал над ним, пытаясь искупаться в тепле, вот блаженство какое только можно получить на земле, несмотря на понимание, что оно исходит от останков брата, что и с ним могут сейчас поступить аналогичным образом.

Родственные чувства вытеснил даже молоток, он нагрел его, на тот случай, когда пламя потухнет, можно будет зачих-

нуть запас жара под футболку. Заметил на обгоревших ногах уцелевшие носки, тут же стянул их, осмотрел внимательно остатки: увы, остальная одежда сгорела.

– Придется Федя снова тебя покинуть, я пойду туда на дорожку вместе с молотком, хорошо? Они останутся, обещаю тебе, мы приедем к тебе, – Ваген пытался беседовать с фантазмагорической ситуацией, в которой оказался, не услышав ответа, он посмотрел в ту сторону, куда скоро пойдет, и подскочил: дорога ехала к нему сама, по равнине зиг-загами двигались два автомобильных луча. Ваген показал рукой на машину:

– Ищут меня по оставленным следам, скоро будут здесь, добьют и сожгут, но кто эти звери?

Бежать было некуда, впереди ни одного кустика, чтобы спрятаться, оставался только канал, другого выхода нет, присев он пожал сгоревшую руку брата, пытаясь ухватить оставшиеся частички тепла, после, обняв молоток, полез в воду, преодолевая течение, добрался до противоположного берега, спрятался в небольшом пучке камышей, начал отсчитывать мысленно секунды, на 180-й приготовился принять смерть от холода, или в лучшем случае утонуть. Машина подъехала, вышли два человека, осматривая обугленное тело, они конечно заметили свежие следы, пошли по ним до самого берега, вполголоса посовещались – один побежал вдоль канал вниз по течению, возможно предполагая догнать и поймать уплывшего беглеца, второй – открыл багажник,

вытащил топор для разделки больших мясных туш, молча стал расчленять останки, рубчик был сильным атлетически сложенным человеком, освещали эту кошмарную сцену включенные фары, иногда они открывали молодое, сосредоточенное на деле, лицо. Помешавшийся от мороза Ваген, досчитав до 180-й, перед смертью решился из последних сил поговорить сам с собой:

– Так и выглядит ад – ты по пояс в холодной воде, а мясник перед глазами разделяет поджаренного брата. Но за какие грехи такие мучения!

Мясник выпрямился, поднял угрожающе топор, испуганно озираясь, пытался определить, откуда прилетело бормотание, ничего не понимая, он спеша завершил разделку, схватил искромсанные части тела, по очереди выбросил в канал, на что от пучка камышей услышал упрек в чрезмерной жестокости. Догадавшись, кто спрятался на противоположном берегу, мясник, призывно свистнул своему напарнику, быстро уселся в машину, завел ее, развернулся, и направился фары на противоположный берег практически в глаза Вагену, который к тому времени потерял сознание, молоток выпал, облегченное тело немедленно подхватило течение, периодически топя, понесло на темнеющие впереди конструкции. Неизвестно сколько прошло времени, пожалуй, достаточно чтобы спокойно умереть от переохлаждения, но беглецу не дали так просто отдать концы, сильнейший удар по левой кисти привел его в чувство. Открыв

от резкой боли глаза, он увидел, что находится под металлическими опорами моста, не успела вода вынести его вперед, как вдоль парапета образовались два знакомых лица, у каждого в руках по здоровенному булыжнику.

– Сейчас-то не промахнись, кидай точно в голову, – приказал мясник напарнику.

В один момент в направлении лба Вагена рванулись снаряды.

– Попал, попал! – заорал камнеметатель.

– Возможно, – с недоверием произнес мясник.

Течение снова усилилось, топило и вновь выкидывало на поверхность тело, игралось, швыряло, крутило совсем как деревянного солдата, которого мальчик хочет утопить в ванной, так продолжалось пока впереди не образовались узкие дренажные трубы, столкновение с ними в очередной раз привело в чувство уцелевшего беглеца, он открыл глаза и увидел, что приплыл сюда не один, а вместе с братом: здесь были и его ботинки, и руки, и ноги и даже голова. Над трубами протянулась дамба, ехали грузовики, перевозившие мокрый песок, рядом громыхал земснаряд, скреб дно водоема. Вагену было уже все равно, что там творилось, он, наконец, может спокойно умереть на отмели, но вид проехавшего грузовика прояснил ход событий, которые произошли сегодня утром:

– Мы – дальнобойщики, с братом везли несколько десятков тонн меди, остановились, чтобы помочь водителю за-

глохшей легковой машины, когда вышли, по голове... точно обухом топора, дальше темнота, – Ваген что-то уяснил. – Голова! Конечно, голова, она мне поможет.

Оживший беглец схватил череп украшенный остатками волос, лег вместе с ним в центре дороги, дождался когда подъедет впереди идущая машина, она остановилась, водитель долго сигналил, что не возымело действия, выходить побоялся, открыв широко окно, попытался дистанционно – матерными выражениями оживить, привести в чувство полубоюбнаженного субъекта

– Вставай, футболист, возвращайся со своим мячиком в канал.

– Ох, – простонал Ваген, и пополз к машине, – холодно, а у меня трусы мокрые, какой неловкий момент!

– Скоро они заледенеют, затвердеют, тогда теплее будет. Правильно, еще чуть-чуть отползи в сторонку, ага, пятки только уברי и я поеду.

Поравнявшись с кабиной, подозрительный субъект неуверенно поднялся, опираясь о включенные фары, прицелился и забросил «мяч» внутрь салона, водителя прорвало на отчаянные крики, не унимаясь, он выскочил с другой стороны. Ваген не чувствуя руки и ног, все таки смог залезть в салон, рыскал под сиденьем, до тех пор пока не нашел ящик с инструментами, откуда вынул маленький юркий топорик. К счастью, ключи зажигания водитель по забывчивости оставил на месте, пока он бежал к себе на базу, чтобы

вызвать полицию, в противоположную ему сторону мчался грузовик груженный песком. Обдуваемые автопечкой, конечности не желали сменить фиолетовую окраску на светло-розовую, угонщик понимал, что их спасти не удастся, но они еще могут функционировать, значит, не следует терять время: месть должна восторжествовать. После недолгих поисков, на обочине приметил знакомую легковую машину, хотел, как в боевике немедленно ее раздавить, но один из преступников вышел наружу, кинулся на встречу, отчаянно махая руками. Грузовик затормозил, Ваген узнал мясника.

– Огромное вам спасибо, что остановились, у меня несчастье – утонул старый друг, – парень не мог сдержать горе. – Я просто обязан проводить его в последний путь, сегодня рано утром похороны, а такси заглохло. Подвези до города, я оплачу.

В ответ он услышал благородный отказ от денег, обещание доставить в любую точку города, со стороны пассажирского места отворилась дверца...

Водители суеверный народ, часто их рабочее место увешено брелоками счастья, заговоренными амулетами и другими грошовыми святынями, Ваген очистив панель приборов от этой дряни, поднял с пола череп Феде, установил перед собой, хоть и чисто символически, почерневшим глазницам очень скоро суждено увидеть, как дальнбойщик превратиться в головореза...

Зло в летнюю ночь

Конец августа, на диком берегу водохранилища появились первые осенние мотивы... в виде картошки, разложенной для сушки, ее ряды боевой фалангой тянулись с востока на запад и упирались в деревянный стул установленный на песке, на нем восседал тощий Шамиль, его паршивую бороденку стриг Костя. Напротив стоял кусок трельяжа, в нем отражались мучения брадобрея, он, как и «клиент» имел свою бороду – часто признак особого, не самого завидного, положения в обществе, по крайней мере, дикий берег был в самый раз для лиц склонных к бродяжничеству и мелкому воровству. Шамиль с гордостью, материнской заботливостью, посмотрел на колонну красных и белесых картофелин.

– Сушится родимая, ну сушишь, сушишь, – сказал бомж, – потерпите, скоро поедете отдыхать в санаторий, скоро по волнам приплывет наш гонорар. Ты, там тупейный художник, посмотри, скоро прибудет кассир?

– Причалит только после обеда, ща и девяти утра нет, – брадобрей посмотрел на настенные часы, прибитые гвоздем к стволу дерева. Сворованные этой ночью ножницы, вместе с десятью мешками картошки, оказались ржавыми, наточить их не было возможности – кругом вода, степь, да камыши. Зато бродяги смогут убить много времени, подстригая, измываясь, таким образом, друг над другом. Куда деваться,

они сегодня готовились к выходу в город. Костя выгрыз пол бороды у Шамиля, очередной клочок волос, извиваясь, потянулся вверх, ветер его кружил и бросил в сторону водохранилища. Наблюдая за этим танцем, Костя увидел, как в их сторону плывет лодка, понял, что заметил ее давно, когда она прыгала на волнах еще маленькой еле заметной точкой.

– Никого, ни гребца, ни рыбаков. Пустая, нашей будет, – воскликнул Костя, он показал Шамилю на судно, затерявшееся в водах водохранилища.

– Может Баха плывет, но в нее не вместится много мешков картошки, как же так, – поделился своими опасениями Шамиль, он прищурился, соскочил со стула, вошел по колено в воду. – Нет Бахи, вроде пустая, наверное у отдыхающих сорвалась.

Благодаря попутному ветру, на дикий берег приносило частенько полезные в быту вещи, особенно везло с деревянной мебелью и диванами, последних было достаточно, чтобы удовлетворить потребности двух бомжей. Шамиль, зашел в воду по самую грудь, он хотел поймать лодку, пока ветер не развернулся.

– Нас уже здесь трое! Притащило лишний груз... пьяный... помер?! – кричал Шамиль, тащивший пойманную лодку. Подбежал Костя, на дне лежал мужчина с проломленной головой, на нем был испачканный кровью деловой костюм, было заметно, что еще вчера он выглядел как с иголочки.

– Как думаешь, сдох? – спросил Шамиль, – как его умело прибили, молотком или камнем. Знай, покойничек, мы тебя здесь хоронить не будем, эта наша точка, не порти ее историю.

– Тише, он дышит, – сказал Костя, он намочил в воде одеяльник, положил его на голову пришельца.

– Не важно ... – выдавил из себя раненый, в веках появились щелки, они медленно раздвигались, первым в поле зрения попала ополовиненная борода Шамиля. Незнакомец пробормотал: Какое у вас благородное лицо...

– Жив, скоро бегать будешь, красавчик, – обрадовался Костя, – подожди, мы тебя поднимем. Скажи спасибо моему зрению, моей волшебной примочке.

Мужчина, чуть приподнял голову, внимательно осмотрелся, заметил картофельные колонны, стул, ножницы на нем. Взгляд снова вернулся к лицам спасителей, выражение его глаз чуть изменилось, и как-то ушло в себя, уяснив, наконец, с кем придется иметь дело. Веки закрылись, грудь глубоко дышала, казалось, что смерть его снова перетаскивает к себе.

– Тебя как зовут, а, говори только, не отключайся, как звать? Меня – Шамиль, этого – Костя.

– Не важно как звать, – не открывая век сказал незнакомец, – нам не надо знать друга друга. По глазам ползут тараканы, вы замечаете?

– Бред пошел, – сказал Костя, поменял примочку, мокрый холодный тюрбан освежил незнакомца, он открыл веки, дол-

го смотрел на смущенного Костю.

– Приступим, хватит нежиться, – бодрее прошептал незнакомец, на лице появилось деловое выражение, он пощупал тюрбан. – Вот это да, страшная восточная сказка.

– Документы есть, давай посмотрим, – требовательно обратился Шамиль. – В каком они у тебя кармане.

– Не важно...

– Не важно, сколько можно «неважно»! Важная птица.

– Не обижайтесь человек... Шамиль. Но я свои документы, бумаги, сотовый телефон, ключи от машин, квартир – выкинул за борт, когда плыл. Можете даже не обыскивать.

– Зачем выкинул ключи, из-за тараканов? Понимаю, с дырой в голове живется не просто. Понимаю...

– Не понимаешь, – с раздражением перебил Шамиля незнакомец, он приподнялся, – подложите под голову что-нибудь. Вот так, спасибо. Я не скажу вам своего имени, кто я, откуда, чем занимался. Я это делаю для вашей и своей безопасности.

Бомжи с неподдельным интересом посмотрели друг на друга, потом с глупым видом, разинув рты, уставились на незнакомца, который до плавания по водохранилищу, видимо, действительно был «важной птицей». Оба догадались, что с ними сейчас не шутят, их предупреждают...

– Ты только не кричи, видишь картошку, клиента ждем, – серьезно сказал Костя

– Э, ты че Костян, он же нашего поля ягода. Вор вора ви-

дит издалека. Что братишка, была ночью неудачная операция, чуть не прибили, сочувствую. – Шамиль сел на корточках, сплюнул в сторону и подмигнул незнакомцу. В ответ он получил властный, дерзкий взгляд, как бы подтверждающий правильность прозвучавшей догадки.

– У Шамяля волчий нюх, но мы тратим зря время. Там, на том берегу, очень много денег, я спрятал их глубоко и надежно, – медленно, но твердо говорил раненый, – Вы получите часть, но сначала помогите мне. Вы должны меня отвезти в больницу, как можно дальше, в соседний город, даже соседнюю область. Ты понимаешь Шамиль, отвезите меня, на чем хотите. Я по-королевски рассчитаюсь, позже, когда чуть приду в себя, когда сбегу с палаты... Отвезите, немедленно, скажите в приемном отделении, что я как вы бомж, без документов, назовите любое имя. Понятно.

– Как мы тебя увезем, да еще в соседний город. У нас нет ни денег, ни машины, а как же картошка, – зазвучал оскорбленный голос Шамяля. Незнакомец брезгливо взглянул на бомжа, разочарованно прикрыл веки, через минуту снова открыл.

– Я скоро потеряю сознание, нет сил предлагать вам варианты. Думайте сами. Там на берегу, зарыто столько, что вы купите по двадцать Камазов картошки, вместе с Камазами, и это на каждого. Понимаете: я ваш шанс, я джекпот, зигзаг удачи. Продайте картошку таксистам, на вырученные деньги отвезите, или подкиньте, но подальше от этого города. По-

могите мне, пока есть время, ну...

– Это мы сможем погулять в кабаке, купить самых шикарных проституток, блондинок, – голос Кости завибрировал от предвкушения.

– Да, двадцать Камазов блондинок. Ну, Шамиль, Костя, время тикает, а я не вечен. За дело.

– Нет, ты сначала покажи нам эти деньги. А потом ответим, как тебе верить, бабки вперед, – вдруг, заспорил Шамиль, – Мы с тобой на лодке сейчас на тот берег сплаваем, проверим кассу.

Отвращение во взгляде незнакомца возматало, его железная воля не собиралась уступить перед потребностью спасения.

– Только когда вы исполните мои требования, я вам пока не могу доверять. Даю только свое слово, слово чести: я вас пожизненно обеспечу, – подвел черту незнакомец.

– Слова, их много, а денег может не копейки, – обратился Шамиль к Косте, в ответ он получил испуганный взгляд.

– Тут опасное дело, разве не чувствуешь Шамиль. Скажи мужик, откуда у тебя такие огромны деньги, кто тебя огрел по голове? Значит, тебя преследуют, так и нас прикончат.

Губы незнакомца задрожали, поверх борта показались его руки, как две змеи они медленно поднимались, ладони уткнулись в лицо Кости.

– Вот ими сегодня ночью, я нескольких детей сделал сиротами, но и сирот нам пришлось кончать, – с особым пафо-

сом, наслаждением шипел незнакомец, – Это было настоящее зло. Своими руками – целую семью, у меня были два помощника, пришлось убивать всю ночь. Но ради той суммы, которая закопана на том берегу, можно убить еще пару-тройку человек. Но напарники, с ними проблемы, как и вы, они мне тоже не доверяли. Короче, все деньги мои, но я тоже пострадал. Ха-ха, теперь голова чуть трещит.

– Он не бредит, – Костя дрожащей рукой, отвел Шамиля в сторону, – он и нас прибьет, надо только узнать, где зарыта наличность.

– Это что, пытаться... от нас он уже точно не уплывет, – сказал Шамиль, они еще довольно долго совещались, распределяя роли в предстоящем мероприятии. Когда подошли к лодке, незнакомец замолк, глаза закатились, пытались привести его в чувство. Шамиль, без церемоний, лупил кулаком по лицу, ответной реакции не наступило, пришелец умер, Костя обыскал его, нашел только пустое дорогое портмоне, понюхал, чувствовалось: недавно там была крупная сумма.

– Настоящий запах денег, только его он нам и оставил, – угрюмо сказал Костя. Обозленные напарники, поскорее спустили лодку с мертвым телом снова в воду, толкнули в сторону противоположного берега. Костя сложил в портмоне пачку любимых фоток из порнографических журналов, после чего снова принялся стричь бороду Шамиля. Через час они забыли о прибывшем с попутным ветром незнакомце, их ждала куда более важная встреча, должен приплыть Баха,

шеф-повар прибрежного санатория «Самал», который скупал у бомжей ворованные с дач овощи. Скупщик придирался к каждой картошине, поэтому оставшуюся часть времени, бомжи, встав на четвереньки, ползали, осматривали, приводили в идеальный вид картофельные фаланги.

Джина

Первыми забили тревогу владельцы домашних котов: их любимцы не возвращались с вечерних прогулок, одни исчезали бесследно, других находили растерзанными в палисадниках и садах. Судя по состоянию тушек, убийства происходили не из спортивного интереса, на шкурах оставались следы от крупных клыков. Пришли к выводу: к смерти кошек причастны стаи бездомных собак. В ветслужбе и отделениях полиции стали копиться коллективные жалобы с требованием: выловить и уничтожить авторов зверских преступлений. Петиции копились, приобщались, подшивались – ветеринарные службы принимали меры в плановом режиме, но, по мнению ряда горожан недостаточные... По «почерку» нападений и оставленным следам, кухонные аналитики пришли к выводу, что таким образом свой дикий нрав показывает убийца-одиночка. Следом хвостиком пошли слухи: жителей будоражили разговоры о голодном степном волке, превратившем ночные улицы в свои охотничьи угодья; кто-то, с большим, чем у других сплетников воображением, пустил в народ историю про больного кинолога, дрессировавшего таким образом пит-булей. Пока горожане развлекались, хищник продолжал свою деятельность, отдавал предпочтение не только кошкам, он стал появляться на свалках, где совершал нападения на собирателей пустых бутылок, или

ночевавших там бродяг. Атаки были настолько молниеносные, что никто из потерпевших не мог толком описать приметы животного: недоуменно жали плечами, демонстрируя соседям по палате свои перебинтованные конечности. Только один бродяга, с изуродованным лицом, смог выдать себя: он был очень большим, черным – похожим на большого и черного пса, перед прыжком, не сводил тусклый, змеиный взгляд.

Ветеринарная служба, полицейские, и добровольцы принялись проводить ежедневные облавы на бродячих собак, казалось в их уничтожении принимали участие все от мала до велика. Опустошительные набеги сначала прошли по окраинам, их люди боялись, как бубонной чумы. Дошло до того, что у иных владельцев крупных собак, требовали отчета: насколько они справляются со своими обязанностями, крепки ли цепи, высок ли забор во дворе. Кому не нужны были лишние проблемы, добровольно сдавали ветеринарам «живое оружие», благодаря им гора трупов на скотомогильнике стремительно росла, пришлось срочно из области везти передвижной крематорий.

Тихий голос подали защитники животных: еще придет время просить прощения у невинно убитых песиков. Им отвечали юристы: согласно законам, собака это вещь на четырех лапах, у нее нет прав, только срок годности. У горожан появились и другие увлечения, анонимные писатели строчили на соседей, на следующий день на указанный в письме ад-

рес приходил участковый, требовал у хозяина подтвердить алиби подозреваемого в преступление пса. Мотор избитый работал долго, без выходов, но вхолостую. Неизвестный хищник снова появлялся из тьмы, он, казалось, совершал акты мести за организованную против него травлю, число растерзанных людей росло. Эти события повлияли на школьную программу, учителям запретили задавать сочинения на тему: Собака – друг человека.

Джина пряталась под вишневыми кустами, округу рано утром пытался пригреть первый снег, но белые пятна быстро растаяли, больше не мешая сочным красно-коричневым подпалинам на лапах переливаться с опавшей листвы. Собака в течение ночи так и не смогла уснуть, удалось чуть сбить усталость. Ее тяжелый, негибкий нрав, всегда на взводе, перемолов остатки ноющих звуков в мышцах, она сразу встала. Насторожилась, приподняв тупую морду – по проселочной дороге проехал небольшой автобус, проводив его взглядом, направилась к станции, здесь в течение недели охота была удачной, многие жители, несмотря на исчезновение домашней птицы, еще выпускали гусей и кур со дворов. В высокой траве показалось несколько десятков коричневых спин. Местный пастух вывел на поле стадо коров и коз, сам уселся на основание мачты ЛЭП, так и застыл в одной позе, иногда выдыхая табачный дым, ничего не замечая вокруг, кроме своих жующих подопечных. Джина тоже присела, дол-

го наблюдала за двумя козлятами, выжидала момент, но что-то ее обеспокоило. Пошла к жилым домам, перед воротами незаметное копошение в грязи – вышла погулять птица. Собака сначала рысью направилась туда, легла перед первыми огородами, несколько птиц шли ей на встречу, но охота снова сорвалась. Нюх потревожили новые, неожиданные запахи, которые до того не встречались в этой местности, вслед за запахами потянулись звуки, топот ног, разговоры, и картинка – наступала толпа. Обежав станцию, Джина увидела вдалеке знакомый автобус, вышло больше двадцати мужчин вооруженных, чем попало. Четверо держали в руках ружья, рядом шли их охотничьи собаки – они стали ведущими, разделились на группы по три человека, еще немного и Джина окажется в эпицентре очередной облавы. Она снова побежала к огородам, тут путь преграждал канал и железная дорога. Пришлось дать крюк через пастуха, который внезапно ожил, когда заметил незнакомую спину, немедленно дал знак охотникам и ветеринаром, те прибежали, указал им на следы собачьих лап на мокрой земле. Два молодых ретривера потащили людей по непролазному сухостою, преследование длилось больше часа, многие ветеринары выдохлись. Псы часто теряли след, долго кружили, с глупым азартом в глазах оглядываясь по сторонам, тыкали носы в грязь, дошло до того, что потащили в разные стороны. Травля захлебнулась, позвонили, чтобы водитель автобуса забрал всех. Группы потеряли друг друга из виду, одна – без собак – вошла на терри-

торию заброшенной воинской части, самый храбрый из ветеринаров, выставив вперед багор, тихонько обследовал комнаты барака, стараясь уловить посторонние звуки, движения. Поднялся по лестнице, заглянул на чердак и быстро перевел взгляд вниз, заметив под собой подозрительную активность, по стене черкнула тень. Ветеринар прыгнул, последовал за ускользящим бегуном. Погоня в тот же миг прекратилась, в центре зала для детских игр, стояла как вкопанная сучка ротвейлера, она хотела было податься в сторону, но ветеринар махнул, пригрозил длинным багром. Собака надменным взглядом показала, что не испугалась выпада. Человек не отступал. Раз так, значит бой...

– Эй, здесь, здесь! – успел заорать ветеринар, когда собака рвала руку, багор выпал. Сбитый с ног, он и не думал доставать нож из-за пояса, инстинкт самосохранения, защищал только лицо, стальные клыки приближались к нему, ротвейлеру осталось только пережевать растерзать пальцы в перчатках. Человек собрав силы, хотел провернуть опасный прием: встать и потащить вцепившего зверя в коридор, или хотя бы выпасть вместе с ним из окна. Ему удалось осуществить задумку, кажется, почти сбросил с себя собаку, она ослабила хватку, упала на пол, но только чтобы возобновить атаку с более выгодной позиции. Прыжок, ветеринар свалился, зубы вцепились в шею, зачищаемую капюшоном куртки. Шансов вырваться уже не оставалось, обе руки свободны, но все что им оставалось делать, так это беспомощно вцепить

в бока животного, бил их, или делал смешные попытки оттянуть за загривок от своей шеи. Так ветеринар нащупал прекрасный металлический ошейник, полу придушенный, прочитал мысленно выгравированную кличку, и сразу повторил вслух...

– Джина, фу, нельзя!

Услышав команду, собака сразу отскочила, внимательно с интересом уставилась на поверженного противника. Возле барака поднялся шум, крики, она бросилась в коридор, выскочив на улицу через пробоину в стене...

Спустя полчаса уцелевшему ветеринару перевязали руки, плечо, основание шеи.

– Теперь мы знаем породу зверя, пол, кличку. Достаточно, чтобы найти бывшего владельца, он ответит за псину, – сказал человек с ружьем.

– Не могу понять, что может привести породистую собаку, к такому агрессивному поведению, она больная, бешеная? – спросил один из добровольцев.

На пострадавшего ветеринара сильно подействовало обезболивающее, еле шевеля языком, он попытался в форме лекции дать ответ.

– Между хорошо дрессированной собакой и хозяином устанавливается тонкий эмоциональный контакт, психологические взаимоотношения, поэтому можно с уверенностью утверждать, что ротвейлер – порода одного хозяина. Моя гипотеза: с собакой произошло нечто, сейчас Джиной управ-

ляют другие чувства, которые сильнее ее любви к хозяину, к человеку.

Собравшиеся не поняли ни одного слова из речи ветеринара. Но, из уважения, молча слушали нечленораздельный бред.

Поздно вечером, Джина появилась в промышленной зоне, на многие километры от цехов шли теплотрассы, паром заволокло пустыри, фундаменты снесенных зданий, она остановилась перед узким лазом в бетоне, куда затащила огромный кусок разорванной плоти, спустилась вниз. Из глубин промышленных катакомб послышался радостный визг и лай, к окровавленной морде матери подбежало два подросших щенка, нечистой породы – смесь ротвейлера с немецкой овчаркой. Торжественна встреча матери резко сменилась поеданием добычи. Собака снова вышла наружу, прочесала округу в поисках бомжей, все чисто, опасности нет. Вернувшись, тяжело легла у входа, и уснула. Джина будет отдыхать до утра.

Красный террор

Нож, в двадцатый по счету раз, глубоко вошел в тело, оставалось произвести контрольную процедуру – перерезать шею. Но сторож всем своим безмятежным видом показал, что умер после первых ударов в сердце. Сергей отошел от него, оглянулся, территория причала была для него в новинку, он здесь был впервые, ничего собственно особенного: узкая огражденная полоса гаражей для лодок вдоль заливчика, кругом трапы, сломанные спасательные круги, лебедки, спусковые механизмы. Апрельский воздух взбодрил Сергея, сил хватит еще на двух таких сторожей, хотелось новых подвигов, он попытался выплеснуть энергию одним способом, подошел к сторожу и все-таки перерезал шею, быстро оттащил тело на трап и наклонил над водой, чтобы стекающая кровь не пачкала причал. Случайного свидетеля Сергей, перед уходом, решил затопить в заливе, сторожа-алкаша вряд ли кто будет искать, запил и ушел, так все и подумают. Зашел снова в сторожку, на столе стояли две непочатые бутылки водки, время поджимало, следует сделать, то для чего сюда пришел: обшарить все гаражи. Взял связку ключей, с ней он пошел к первому гаражу, зажег свет, принялся подбирать ключи, и мгновенно притих... Хлопнули ворота, шаркающие шаги... Сергей опешил: был же контрольный, или все-таки есть второй сторож?

– Витя, ты че не в сторожке, территорию проверяешь? – сказал голос неизвестного, возможно запоздавший гость сторожа.

Сергей понял, что его выдал свет, быстро выключил фонарь. Шаги приближались, он ничего не мог придумать, кроме того, чтобы схватить тело на трапе и затащить его за гаражи. Шаги продолжали преследовать.

– Ты уже напился, ползаешь, как гусеница, – рассуждал гость, – а меня, зачем приглашал на ночь глядя, зачем, скажи... снова грохнулся...

Сергей действительно упал навзничь, кровоточащий труп навалился на него. Теплые объятия сторожа нежно обхватили талию убийцы, предсмертная маска уткнулась в лицо.

– Ты объясни, где совесть твоя, а ведь со мной еще ребята, – послышался поучительный тон, прямо над головой Сергея. Возвышавшийся над ним человек, судя по звуку, достал коробок спичек, зажег одну. Полное недоумение было написано на лице гостя, при тусклом свете не мог разобрать, что же он такое видит, какая-то извращенная трансформация реальности, вроде бы на металлическом полу лежит знакомая спина и затылок... Витины спина и затылок. Но из-под него выглядывает испачканное в крови молодое лицо, сквозь поникшие руки сторожа медленно появляются... еще две! Гость, завороченный этим фокусом, заметил, как в одной из четырех рук показался нож, тоже весь в крови, как собственно и рука, которая его держала. Крови было

столько, что казалось и нож и рука состояли только из этой красной субстанции, ее острие медленно поднималось к глазам гостя. Спичка вдруг потухла, когда он зажег вторую, то лоб в лоб оказался с незнакомым молодым человеком, слепленным из каких-то кровоточащих кусочков, острие резко описало дугу, и ринулось вперед... Потрясенный гость даже взвизгнуть не успел, когда в него проник нож. Расправа длилась еще дольше, чем над сторожем, в финале теперь точно – контрольный. Сергей положил нож на грудь убитого, и отошел на край причала, он сел, не мог прийти в себя, только час назад он хотел совершить самую банальную кражу, в планах не было ни одной капли человеческой крови, максимум связать оглушенного сторожа. Он взял бутылку водки, откупорил, отпил немного. Уходить он не собирался, раз уж появились так случайно эти два трупа, то тем более должен обшарить причал, загрузить самое ценное в лодку и переправить на другой берег. Следует перед рассветом хорошо искупаться, чтобы смыть красную коросту с тела, она впиталась даже в волосы.

Спустя пятнадцать минут заряд алкоголя вернул уверенность, мозг сформулировал, объяснил, что произошло на причале: сторожу и гостю просто не повезло, они два трудных уровня замысловатой компьютерной игры, Сергей их прошел, может действовать дальше как угодно. Запах крови, распространился по всему причалу, игра чересчур реалистична. Сергей понюхал свои руки, вытер их о футбол-

ку, но стали еще грязнее. Выпив еще глоток, он до трапа теперь дотащил два трупа, поднял связку ключей, снова нацелился на навесной замок крайнего гаража. Игра продолжалась, но не в том направлении... Ворота распахнулись, вошло, судя по голосам, двое мужчин и одна женщина, они сразу направились в сторожку, включили радио, шуршал пакет с закуской. Сергей схватил с лодки брезент, накрыл им тела на трапе. Сам лег на дно лодки, где с ним случилась немая истерика, он хотел убежать, но боялся издать хоть один звук, побег через сушу был отрезан, решил спустить лодку и отчалить. Неожиданно в лодку взобрался мужчина лет 30, он поудобнее уселся на нос, приветливо кивнул Сергею. Незнакомец был в строгом клетчатом костюме, приятный блондин, который смотрел на мир через очки в серебряной оправе, говорил с заметным заокеанским акцентом.

– Я считаю, что не следует так просто бежать, ни в лодке, ни вплавь, – говорил мягко блондин, – Сережа, я думаю, что ты поступишь, так как следует. Надо быть более последовательным в своих действиях, верить в сокрытые в тебе крайности, ты им дал свободу час назад, не губи только что раскрытый талант, дай ему развиваться.

– Там на трапе под брезентом ты видел, уже два, куда еще.

– Всего лишь два, – блондин, протер платком очки, – два против трех, которые там в сторожке. Я буду очень недоволен, если ты упустишь свой шанс.

– Ты мой бред, бзик, сумасшедшинка. А если нет, если

не бзик, то ты щас и будешь третьим.

– Правильным путем идешь Сережа, давай убей меня, или всем расскажу, что Сережа не смог, не оправдал нашего доверия, – блондин вытащил откуда-то окровавленный нож, – ты его забыл на госте.

Блондин принялся вытирать нож о свой великолепный костюм, который ничуть не испачкался.

– Как ты это делаешь, почему чистый? – крайне удивился Сергей.

– Потому что эта кровь на тебе, – блондин бросил на дно лодки нож. Сергей его схватил и нацелился в лоб исчезающего собеседника, на месте его туловища вдруг образовалось лицо пьяной женщины.

– Да куда вы спрятались, чем вы там занимаетесь, Витя ты на дне? – женщина, согнулась, опустила нос внутрь лодки.

Сергей немедленно воткнул нож ей в лицо, хватило одного удара, она упала замертво. Начался третий по счету кровавый душ, неуклюже уворачиваясь от него, он схватил длинные волосы, оттащил к траурному трапу. Со сторожки слышались пьяные недовольные голоса.

– Теперь и эта растворилась, они там, что в прятки играют.

– Странные они, – заявил второй голос.

Пока в сторожке чекались и желали друг другу долгих лет, голова Сергея впервые в жизни напряглась: 10—15 минут на убой парочки, еще столько же времени на транспортировку тел до трапа, трудоемкая помывка причала от кровавых

луж и следов, и самое главное, не вскрыт ни один гараж, а скоро рассвет, да надо срочно кончать их, время поджимает. Когда он вошел в сторожку, у него вдруг на мгновение возникла мысль: может одного на время оставить в живых, чтобы помог прибраться на причале. На пьяниц, с опустошенными стаканами в руках, произвел огромное впечатление красный человек в алых кроссовках и бордовой футболке. Сергей обратил внимание на неудовлетворительное состояние собутыльников, и быстро прикончил идею о временном помощнике, после чего снова дал волю ножу...

Днем на причал приехал участковый, составил протокол о краже с одного из гаражей, по описи: пропала лодка, мотор, рыболовные снасти, удочки, инструменты, навесной замок.

– Сторож пьянь, хотели давно выгнать, а он сам ушел, но перед тем меня обобрал. Сволочь, – сказал владелец гаража и постарался успокоить себя прекрасными видами природы, особенно восхищал маковый цвет вод заливчика.

– Надо купить навесной замок, – посоветовал участковый потерпевшему.

Невыносимый плод

Пришлось исчезнуть, не уезжая из города. Улица Толлятти оказалась самым идеальным местом, здесь ее никто не знал, на каждом шагу монотонная практически сельская жизнь. В сугробах утопали двухэтажные дома с оранжевыми стенами, в квартирах жили только старушки и многодетные семьи. Нина, после долгих скитаний, сняла жилье на первом этаже, ровно на два месяца, не более – в этот срок она должна разрешиться... Очень смутил вид из узкого окна: совсем недалеко из-под снега выглядывали красные звезды, повязанные еще в мае на памятники георгиевские ленточки. Старое, давно закрытое, военное кладбище. Еще пугали скрипучие полы, она прекрасно слышала, куда направляются жильцы со второго этажа: из кухни – в зал, из зала – в спальню. В ее комнате изношенные половицы тоже стонали при малейшем движении ноги. Раздраженная девушка постелила один толстый ковер на другой, стало гораздо тише. Теперь пол только жалобно вздыхал, отчего невольно просыпалось бессознательное сочувствие. Нина целую неделю ждала подругу Ольгу, она обещала разыскать свою знакомую, бывшую работницу родильного дома, с которой надо договориться о цене, месте операции. Подруга не звонила, не приезжала, от чего напряженное ожидание постепенно переходило в немое сумасшествие. Перед кроватью находил-

ся календарь – осталось чуть меньше тридцати дней: за ними неведомое, проклятое будущее...

Дождавшись вечера, наступившей темноты, девушка оделась, пошла в ближайший продуктовый магазинчик. К сожалению, на смену снова заступила крайне приветливая и общительная женщина-продавец. На выходных, находясь за кассой, она вычислила круглый живот, утиную походку. Теперь каждый раз покупательница вынуждена выслушивать рекомендации, что следует кушать, пить – дабы первенец не был размазней. Продавщица всегда громко возмущалась: темень на дворе, почему такую молодую девочку, практически на последнем месяце, муж отпускает одну? Иногда доставалось за легкомыслие и самой Нине, которая, чтобы успокоится, однажды хотела купить вино, и даже сигареты. Приходилось благодарить продавщицу за предупреждение, покупать ведрами кефир, и как можно быстрее убираться вон... Сегодня она тоже обратно несла «все, что необходимо для сбалансированного, насыщенного витаминами, питания». Спектакль продолжился на лестничной площадке, ее ждала женщина в тапочках, на плечи накинута шуба.

– Значит, ходили в магазин! А, я то думала, – причитала женщина, внимательно осматривая живот и сумки девушки. – К вам долго стучалась, очень громко возмущалась *одна*, так что разбудила меня. Пришлось ей объяснить, что в квартире больше недели никто не живет. Сначала *эта* мне не верила, но я ее убедила. Она больше сюда не придет.

– Что же вы наделали, это приходила моя подруга по очень важному делу, – сокрушалась Нина. – Я ее ждала много дней, своими нелепыми объяснениями вы все разрушили.

– Я здесь живу уже тридцать лет. Если внизу подо мной не скрипят половицы, значит, в квартире никого нет. Меня раньше эта примета не подводила. Были снизу вздохи, я думала, это отопление циркулирует. Почему у вас не скрипят половицы, как такое возможно? Вы что – летаете! Ремонт хозяйка там никогда не проводила. Вы внутри, а скрипа нет. Интересно, как такое возможно.

– Тебе-то какое дело. Женщина, иди на свой второй этаж, и никогда не вмешивайся в чужую личную жизнь, – покричав, и не дождавшись ответной реакции, Нина быстро зашла в квартиру.

Соседка настороженно ворчала, с вопрошающим лицом стояла у двери, она временно потеряла ориентиры в этой жизни, не в силах была осмыслить загадку замолкшего пола. Ей, внезапно, пришло в голову, что там скрывается не один человек, возможно целая молчаливая компания. К такому выводу навели странные вздохи. Она задавалась вопросом: если это не горячая вода в батареях, тогда что же? Возможно, там, на полу лежит связанный человек, банда его целую неделю пытала, кляп во рту, он тихо умирает, постанывает. Соседка решила не спать, доказать ночью свою версию, для чего легла на пол в зале, прислушивалась, что же там творится внизу.

Нина, за неполный месяц, тоже втянулась в скрипучую паранойю, сейчас она боялась сделать лишний шаг, поэтому залезла на кровать и сжалась, неподвижно уставилась на потолок, чувствуя, что наверху внимали малейшему движению. Эта психологическая пытка, совместно с пониманием, что Оля сюда возможно, больше не придет, окончательно раздавили девушку. Тайно произвести криминальный аборт уже не получится, придется ехать в город навстречу грандиозному скандалу. Причем опозорит не только себя, но и лучшую подругу. Совместно они полгода распространяли самую изошренную ложь, провели всех: родню, преподавателей колледжа, знакомых. Отдельную легенду о внезапном отъезде, получили две стороны любовного треугольника... Все ждали ее скорейшего возвращения из крайне длительно-го, очень увлекательного путешествия по дальним уголкам России. И вдруг, многовекторная, многоходовая, комбинация разбилась вдребезги о какие-то половицы... Она давно продала все, что было у нее ценное. Сотовый телефон, золотой крестик пошли на оплату аренды квартиры, еду. Деньги на исходе. Подруга обещала дать в долг, если найдет сговорчивого медика, но теперь ждать помощи не стоило.

Следовало решиться на что-то, пока есть время, нет свидетелей... Оля как-то иронично сказала о более простом, дешевом плане *B* – родить малыша в квартире, и оставить на пороге детской больницы. Вполне газетная история, когда мамаш часто задерживала полиция, сколько таких было,

и будет. Но Нина, в первую минуту, когда поняла, что беременна, подумала о куда более радикальном варианте, он полностью защитит от возможного разоблачения, суда и позора, снова вернет к счастливой молодой жизни. Главное – вовремя нажать на кнопку сливного бочка. Придется взять себя в руки, пройти некое подобие сатанинского ритуала, вырвать из тела присосавшийся плод, совершить необходимое жертвоприношение. Но только не в квартире, здесь слишком много слушателей, придется уйти.

Девушка в последний раз посмотрела на свой шарообразный живот. Она в заложниках у притаившегося там мучителя, или возможно там внутри только ошибка, с кем не бывает, ее надо исправить – определилась Нина в своем отношении к плоду. Достала из сумочки сильнодействующие препараты, опустошила все флаконы до самого дна. Если умрет вместе с младенцем, тоже не худший вариант, – подумала она. Химия сразу стала разъедать внутренности, сердце притормозило, делая большие паузы между ударами. Но какие это были удары! Оно громко пинало изнутри грудную клетку, раскаты пронеслись по комнате, и уходили через стены. Наверху тревожно закрипели половицы, там не в силах были определить природу нового явления. Опьяневшая девушка схватилась обеими руками за левую грудь, препятствуя обалдевшему сердцу, оно всеми силами пыталось выскочить наружу.

Еле одевшись, практически выползла из квартиры, про-

красась по лестничной площадке. Надо скорее пропасть, скрыться из многоухого дома. На улице, с левой стороны, ее долго сопровождали пятиконечные звезды, хмурые кресты, какие-то вымышленные крылатые существа над головой. Кладбище закончилась, после прошмыгнула через следующий круг ада – частный сектор. Над местностью нависла, созданная печным отоплением, тяжелая пелена. Ветра не было, дым, и частицы золы обратно опускались на крыши, волосы ночной бегуны.

Долгожданный звук – журчание, шипение, канализационной линии, ведущей к цеху очистных сооружений. Часть коллекторов было открыто, перед одной опрокинутой чугунной крышкой – Нина потеряла сознание, начались спровоцированные химией схватки, острый приступ удушья. Непонятно сколько она пролежала времени, но умереть, замерзнуть, не получилось. Спасительное зловоние из коллектора привело ее в чувство. Правая рука полезла вниз живота, в мокром халате между ногами запутался младенец. Следующий этап – надо опередить материнский инстинкт. Девушка встала, на морозе разделась догола, сбросив с себя испачканное белье и халат, вместе с содержимым, быстренько отправив в отверстие коллектора...

Нина зашла в квартиру совершенно бесшумно, хотя низ тела продолжала жевать невидимая волчья стая. Чтобы, не дай бог застонать, набила рот таблетками снотворного, заставила, без воды, их долго мучительно жевать. Горько-

му вкусу удалось перебить лишние, в данный момент, слезливые мысли и чувства. Девушка очень старалась соблюдать все меры конспирации, снова с настороженностью уставилась на потолок. Наверху не заиграла скрипкой ни одна из половиц, соседка по праву считала себя одураченной, она впервые за столько лет не смогла разгадать, что же творится там внизу.

Сыграть в ящик

Жара стояла третью неделю. Произойдут перебои с поливом, хоть на час, и новых скандалов на хоздворе не избежать. Стрелка манометра показала: 40. Насос работал вполне нормально, если фильтры не забьются, не надо будет останавливать двигатель. «Два с половиной миллиона тенге, это десять подержанных жигуленков. Фантастика!» – подумал Сергей Иванович Зотов. Вежливо положил ладони на вибрирующий кожух, под ним новенький двигатель, работал отлично, душа радовалась.

Приближался вечер, исчезли рыбаки, следом за ними потянулись любители пикников. Самыми стойкими оказались пьяные компании, музыка, долбящая по перепонкам, заглушала голоса, визги. «Чтоб вы сдохли» – подумал сторож-механик. Он очень редко давал волю мыслям и языку, так происходит когда жизнь, работа доведены до автоматизма, до условных рефлексов. Сергей Иванович иногда испуганно оборачивался, если случайно произносил слово, которое вышло из употребления, по крайней мере в его замкнутом мирке, где все точки давно расставлены над *i*. Его обитаемое пространство на земле ограничивалось насосной станцией, она питала поливной водой дачные общества и поселок. Находилась эта точка далеко в степи, на берегу озера. Сюда, после зимней спячки, летом как в ссылку отправляли

Зотова, он так одичал, что сторож с хоздвора называл его вшивым Робинзоном. Но сторож не прав, Сергей Иванович не так одинок, его верным Пятницей была станция с насосом, он любил все ее бронзовые муфты, эжекторы, циферблаты манометров, ременную передачу. При поломке – заболел как о раненом товарище. Ничего другого он в жизни почти не знал, и не умел. Этим летом, в неизменный режим его, еле тлевшего, сознания, внесла смуту покупка мощного двигателя, но и это событие постепенного входило в колею Зотова. Возможно, он страдал тихим помешательство, идиотизмом. Но официально такой диагноз ему никто не ставил, поэтому председатель хоздвора называл сторожа-механика самым лучшим, самым исполнительным кадром.

Пик беспокойства – выходные. Надоедали отдыхающие, хотя рядом не было пляжа, или зоны отдыха, от них повелитель насоса спасался в своем личном укрытии, за винтовым замком. Весной, перед летним сезоном, к насосной трактор приволакивал металлическую будку на полозьях. За пяти-миллиметровой броней Зотов спал, набирался сил. На стенах, потолке никаких окон, полная консервация – так безопасней, снаружи ночью на километры ни души. Неприятности доставляла только жара, раскаленная будка становилась пыточной для жильца, он задыхался, но опасался приоткрыть дверь, так и мучил себя до потери чувств. Внутри была кровать, столик с едой, сотовый телефон на случай опасности; ворох старых газет и журналов, их Зотову на день рож-

дения ежегодно дарил председатель дачного общества.

Сегодня выходной, значит, полив закончился в 20:00, выключив двигатель, сторож-механик закрыл насосную на два тяжелых замка. Зашел в будку, приготовил ужин, покушал, трижды наливал в кружку чай, просматривая в журналах прошлогодние события. Машинально, секунда в секунду, он зевнул вместе с писком электронных часиков, было ровно 10:00, надо спать. Выглянул из своего будочного панциря, за камышами не умолкали долбящие музыкальные звуки. «Чтоб вы сдохли» – повторил Сергей Иванович. Он закрыл тяжелую дверь, какая бывает в только бомбоубежищах, закрутил внутренний винтовой замок. Неизвестно, сколько прошло времени, когда совсем близко раздался женский визг. Разбуженный Зотов вскочил, «кажется я его уже слышал днем» – подумал он. Снова очередь взвизгов и воплей.

– Мамочка, мамочка! – сквозь металлические стенки услышал Зотов. Он для храбрости глубоко вздохнул, и совершил невероятное – открыл дверь. Выглянул, на скрип петель отозвался темный силуэт рядом с насосной.

– Тут кто-то есть? – спросил испуганный женский голос.

– Отойдите от насоса, не трогайте его, – строго произнес Зотов.

– Быстрее, надо мной, моим парнем издевались, он еще живой. Там, недалеко в камышах лежит. А меня еще... он тут рядом. Быстрее.

На небе висел обломок луны, но и этого света хватило что-

бы заметить – девушка была растерзана, стояла практически голой. Это крайне шокировало Зотова, он быстро закрыл за собой дверь. Пришлось думать: что делать, какого черта она здесь делает. Почему парень не вышел? Прячется! Хочет напасть, когда выманят из будки. С другой стороны: почему на ней нет живого места. «Ничего не пойму!» – мысленно воскликнул Зотов. Он услышал гул мотора, машина приближалась, вместе с ней пьяные голоса, знакомый ритм долбящей музыки. Девушка закричала, подбежала вплотную к двери, ладошками хлопала по броне, умоляла открыть.

– Успокойтесь, – прошептал ей Зотов, и притих. Машина остановилась, судя по звукам, девушку поймали, удары, вой... звуки оборвались, но лишь потому, что сторож-механик хорошенько закрыл уши. Что там было дальше, ему неизвестно, постарался, чтобы все чувства оказались в непроницаемом мягком бункере из двух подушек, которыми сдавил себе голову. Прошел примерно час, улиткой высунулся из подушек, заставил себя прислушаться. Тишина. Спать он уже не сможет, прошло еще полчаса, застыл в молитвенной позе перед отверстием в замке, продолжал напрягать уши. Это беззвучие постепенно успокаивало, нервы возвращались в исходное анабиозное состояние, сердце снова забилося. «Девушка-галлюцинация, завтра утром посмотрю, что там было» – подумал Зотов. Он зашевелился, издал первый звук – глубокий сладкий зевок. Пополз на кровать, как вдруг услышал еле заметное шуршание снаружи.

Кто-то, не подавая голоса, задевал, опирался о металлическую стенку, видимо зашатался – неровные шаги, попытка уцепиться за угол будки – неудачно. Звук падения, мужской стон. Новые попытки встать, или хотя бы просто двигаться, но без успеха. Зотов понял, что вероятно это парень девушки, как-то сумел выбраться из камышей, не может найти дорогу. Опять тяжелые, невыносимые стоны. «Его искалечили» – подумал Зотов. Он еще долго боролся с желанием приоткрыть дверь, затащить вовнутрь незнакомца. С другой стороны его не покидало ощущение хитрой ловушки, чтобы выманить из будки. Но для чего? «Понял, они пронюхали про дорогуший двигатель. Не двигатель, а целое состояние, и машину пригнали, чтобы увезти» – разгадал интригу Зотов, и, не выдержав, сказал вслух знакомое «чтоб вы сдохли».

Как по волшебству раздался знакомый гул мотора, разъяренные голоса, неизменный ритм долбящей музыки. Машина встала напротив дверей будки, свет включенных фар прорывались через замок и щели. Шаги нескольких мужчин, они принялись вытряхивать остатки жизни из ползающего незнакомца, обессиленный он ничего не мог сказать. Вместо слов был только характерный, размеренный стук. Зотов понял его природу, много лет назад он тоже слышал этот звук, когда бился головой о верх входа, тогда еще новой будки. Ночная экзекуция видимо подходила к концу, частота ударов сокращалась, их завершил смачный хруст. Но его Зотов не услышал, чувства вернулись в герметичное состоя-

ние, спасибо подушкам. Прошел вроде еще час, он с надеждой высунулся, но пришельцы не собирались уезжать, их разговор заглушал долбящий звук. Прошел еще час, ситуация не собиралась меняться. Доведенный до безумия, Зотов вынужден был, как условлено в экстренных случаях, маякнул по телефону сторожу хоздвора. Тот не заставил себе долго ждать, приехал на стареньком бусике. «Спаситель!» – торжествовали мысли в будке, но навстречу не бежали, не отворяли замки. Забившись в угол, снова напряглись, фиксировали: что там снаружи. Кошмарная музыка сразу смолкла. Сторож включил фонарик, подошел к группе неизвестных, слышно было, как он их расспрашивает, что они здесь делают в такое время. Принялся пугать: если не уберутся, тогда придется дать знак напарнику в машине: стрелять на поражение. Пьяные голоса оправдывались, даже просили прощения за принесенные неудобства, говорили: так получилось, заблудились. И вроде стали собираться, завели машину, но только для вида, они, кажется, раскусили хитрость сторожа: нет никакого ружья, и напарника – тоже, только понты. Сели в салон, машина стала сдавать назад, для того чтобы разогнаться, визг колес...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.